

УДК 340.1

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ АКТОВ ВЫСШИХ СУДОВ И НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2016 г.

М.Г. Дубинин

Нижегородский областной суд, Н. Новгород

dubininmg@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2015

Рассматривается соотношение актов высших судебных инстанций и актов правотворческих. Выявлена неоднородность указанных феноменов, в результате чего судебные акты не могут признаваться правом в системе права Российской Федерации.

Ключевые слова: Верховный Суд РФ, Высший арбитражный суд РФ, толкование права, норма права, определение нормы права, признаки нормы права.

В научной литературе вопросы о соотношении актов вышестоящих судебных инстанций и нормативных правовых актов законодательных органов рассматриваются довольно продолжительный период времени на предмет того, входит ли в российскую систему права судебный прецедент (прецедент толкования права) как феномен, однородный иным формам прав. Среди множества мнений, подкрепленных различного рода аргументацией, также была предпринята попытка сравнения юридической природы нормы права с признаками, присущими отдельным постановлениям Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ) и Высшего арбитражного суда Российской Федерации (Высший арбитражный суд РФ).

Так, среди основных критериев нормы права в научном мире называются: «всеобщность, общеобязательность, формальная определенность, установленность или санкционированность компетентными органами государства, способность регулировать общественные отношения благодаря заключенной в них правовой информации, особой структуре и государственной гарантированности, обеспеченность принудительной силой государства и сознательностью членов общества, неоднократность действия» [1]. Законодательный орган под нормой права подразумевает: «общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение» [2]. Примечательно, что подобное определение нормы права у законодательного органа характеризуется легистским правопониманием.

Проводя аналогию постановлений пленумов высших судов с законодательными актами как

одной из форм права, Л.Ф. Апт указывает на следующие моменты: «Правоположениям судебной практики свойственны неконкретность адресата, возможность неоднократного применения, действие предписания независимо от применения. Например, признак неконкретности адресата отличает разъяснение понятия «структурное подразделение экстремистского сообщества», содержащегося в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности»... Возможность неоднократного применения – признак, присущий правоположению, содержащемуся в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»... Действие независимо от исполнения можно проиллюстрировать правоположением п. 2.2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 30/64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение прав на судопроизводство в разумный срок или исполнение судебного акта в разумный срок»... Неопределенность предписаний законодательства не такая уж редкая ситуация в правовой системе... Оно также имеет место» [3, с. 17–18] в понятиях и определениях судебной практики, в качестве примера приводится п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных

коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» [4].

Действительно, перечисленные признаки, такие как отсутствие конкретного адресата действия нормы права, многократное ее применение, а как следствие – существование нормы права вне зависимости от ее реализации, присущи любой норме права. Однако возникает вопрос о соответствии постановлений пленумов высших судов таким критериям, как «всеобщность, общеобязательность», «общеобязательное государственное предписание».

Как известно, судебные решения имеют обязательную силу для всех участников судебного разбирательства на всей территории Российской Федерации. Суды при вынесении решений руководствуются постановлениями пленумов высших судебных инстанций и изучают сложившуюся практику по аналогичным делам. Однако являются ли такие постановления обязательными для других органов государственной власти, физических или юридических лиц? Полагаем, что нет. Более того, Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ учитывались только арбитражными судами и не несли практического интереса для судов общей юрисдикции.

Подобное положение дел сказывается на противоречиях в позициях указанных судебных подсистем. Несомненно, противоречия встречаются и в законодательстве, – имея общий предмет регулирования, нормативные правовые акты могут содержать в себе взаимоисключающиеся положения, однако существует установленная иерархия в системе права, которая позволяет разрешать подобные коллизии. Но как следовало поступать в универсальном плане при разности подходов, к примеру, пленумов Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ, неизвестно. В настоящее время подобный вопрос нашел свое разрешение в результате упразднения Высшего арбитражного суда РФ, постановления Президиума которого действуют до момента принятия сформированным Верховным Судом РФ новых постановлений по аналогичному вопросу. Однако не так давно подобная проблема прецедента права хорошо показывала всю неустойчивость модели прецедентного права в рамках существовавшей судебной структуры. В ранее существовавшей ситуации каждая система судов руководствовалась соответствующим судебным актом вышестоящих инстанций.

Следовательно, мы можем говорить о том, что признак всеобщности, присущий каждой норме права, отсутствовал в постановлениях

пленумов высших судов, которые действовали лишь внутри конкретной юрисдикции. Если какой-либо юридический феномен не имеет признак общеобязательности для всех субъектов права, как можно соотносить его с иными формами права, распространяющими свое действие на каждое лицо? В противном случае постановления пленумов высших судов имели свое нормативное, а не факультативное действие для всех правотворческих и правоприменительных органов, учитывались в повседневной жизни физическими и юридическими лицами как нормативное общеобязательное явление. По сути «слияние судов» разрешило вопрос технически, а не с идеологической точки зрения.

Важность осознания роли результатов судебного толкования как результата разрешения судом индивидуальных правоотношений в настоящее время приобретает все большую актуальность в связи с упразднением Высшего арбитражного суда РФ и формированием нового Верховного Суда РФ, который является единой высшей инстанцией для судов общей и арбитражной юрисдикции.

Так, 7 октября 2013 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был внесен проект Закона Российской Федерации № 352924-6 «О поправке к Конституции Российской Федерации о Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации (далее – Государственная дума РФ). Применительно к судебной системе законопроект должен был обеспечить единый подход к отправлению правосудия в отношении граждан и юридических лиц, установить общие правила организации судопроизводства, добиться единообразия в судебной практике. Кроме того, данная мера позволяет исключить отказы в судебной защите в случае спора о подведомственности дела.

Названная инициатива нашла поддержку у законодательной власти, в результате чего был принят ряд нормативных правовых актов и поправок к ним [5–8]. Произошла полноценная судебная реформа, всесторонне и адекватно реагирующая на запросы российского общества в целом.

Исходя из сложившейся ситуации, можно констатировать – правовая задача «обновленного» Верховного Суда РФ возрастает в связи с периодически возникающей остротой вопросов, вызванных неоднозначностью юридической природы судебных решений. Несмотря на законодательное закрепление полномочий Верховного Суда РФ, пределы которого не могут быть им нарушены, его фактическая роль в правосоз-

нении научного и профессионального сообщества, всех субъектов правоотношений весьма велика. Именно ему предстоит выработать и сформировать новую модель организации функционирования общих и специализированных судов, при этом сохраняя положительный наработанный опыт в вопросах осуществления правосудия.

Влияние Верховного Суда РФ как высшей судебной инстанции косвенно простирается и на законодательную сферу, но не в роли правотворческого органа, что, как представляется, не соответствует действительности, а как органа государственной власти, наиболее детально разбирающегося в актуальных проблемах реализации всеми субъектами своих прав и обязанностей, что позволяет, возможно, лучше других понимать, какие практические аспекты мешают осуществлению полноценного регулирования. Этот опыт должен учитываться законодательными органами при принятии новых или изменении либо отмене существующих нормативных правовых актов. Кроме того, немаловажным аспектом является то, что в соответствии с п. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации Верховный Суд РФ обладает правом законодательной инициативы по вопросам своего ведения.

В связи с подобной ситуацией в отечественной юриспруденции подчеркивается: «Именно профессиональный правоприменитель, которым является суд (в данном случае – высшие суды), должен указать на те неучтенные признаки понятий, определений, которые могут быть предметами судебного рассмотрения, а также иные регулирующие моменты, которые не уточняет законодатель» [3, с. 16]. Справедливость данного положения находит свое подтверждение в Рекомендации № R(95)5 Комитета министров Совета Европы – органа, созданного для контроля над выполнением решений Европейского суда по правам человека и обладающего возможностью применения международных санкций к государствам-нарушителям, являющимся членами Совета Европы, государствам-членам относительно введения в действие и улучшения функционирования систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам, – которая была принята Комитетом министров Совета Европы от 7 февраля 1995 г.; в п. «С» ст. 7 закреплено, что предметом рассмотрения высшей инстанции должны быть дела «которые будут развивать право или которые будут способствовать единообразному толкованию закона. Их круг может быть также ограничен жалобами по тем делам, которые касаются вопросов права, имеющих значение для всего общества в целом» [9].

Касательно роли высших судов в процессе правового регулирования приведем в пример справедливое замечание бывшего Председателя Высшего арбитражного суда РФ А.А. Иванова: «Если мы посмотрим на нашу судебную систему с точки зрения фильтра и его роли в формировании прецедентов, то обнаружим, что у нас только Верховный Суд фактически работает по прежней континентальной модели... Но главное в том, что этот суд не преследует цель создания прецедентов, хотя его организационная структура позволяет их формировать.

Два других высших суда – Конституционный Суд и Высший Арбитражный Суд – установили фильтры и выбирают наиболее значимые дела. Это волей-неволей толкает их к тому, чтобы формировать прецеденты. Данный процесс происходит сам собой, независимо от их желания. Тут нельзя кого-то упрекнуть, что он хочет сделать прецедент источником права. Просто суды выбрали определенную модель работы, и такая модель с неизбежностью влечет за собой прецедентность их правовых позиций» [10, с. 6–7].

В роли дополнительного аргумента хотелось бы привести дискуссию, которая произошла между депутатами Государственной думы РФ по вопросу реформирования судебной системы в связи с полномочиями нового Верховного Суда РФ. Данное событие имеет непосредственную научную ценность, так как на практическом примере показывает выбранный курс при формировании правовой политики главного законодательного органа страны, его видение сложившейся правовой ситуации.

Рядом депутатов было предложено сделать разъяснения вновь создаваемого Верховного Суда РФ общеобязательными для нижестоящих судов. Более того, в научном мире уже высказывались предположения о том, что в настоящий момент постановления Пленума Верховного Суда РФ имеют не менее императивную силу для судей при разрешении индивидуальных споров, чем законодательные акты [11, с. 419]. Данную норму было предложено перенять по аналогии из ст. 13 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [12], закреплявшей положение об общеобязательности Постановлений Пленума Высшего арбитражного суда РФ.

Председатель Комитета Государственной думы РФ по конституционному законодательству и государственному строительству В.Н. Плигин в связи с данной инициативой возразил: «Через эту поправку мы выходим на формирование прецедентного права? Обычно мы эти отношения регулируем федеральными законами. Если мы выйдем на эту формулу...

фактически мы начнем формировать рядом с федеральным законодательством новый блок, практически равный по уровню федеральным законам» [13].

Характерна и сама оговорка одного из инициаторов данного положения депутата Ю.П. Синельщикова: «ВС не будет формировать ту нормативную базу, которая входит в компетенцию законодателя. Он в рамках того, что определил законодатель, будет давать толкование, разъяснения. Там, где есть пробел, ВС конкретизировать ничего не сможет, ему придется выходить на законодателя» [13].

Следовательно, можно сделать вывод о наличии ясной позиции по вопросам так называемого «судебного правотворчества», которое, по сути, сводится лишь к толкованию права, не носящему нормативный правовой характер, а имеющему силу в конкретной ситуации и представляющему практический интерес только с точки зрения аргументированности содержащихся в нем позиций. Предложенная инициатива по приданию статуса права судебным актам вышестоящих судов не находит своего практического подтверждения даже в период столь масштабного реформирования судебной власти, что говорит в пользу эффективности функционирования сложившейся системы разделения властей, где каждый государственный орган выполняет свои функции, не вмешиваясь в компетенцию другого органа. В итоге, данная инициатива по законодательному закреплению «прецедентного права» в российской правовой системе не нашла своего одобрения, рассмотренная поправка была отклонена.

Таким образом, рассмотрев юридическую природу актов вышестоящих судов Российской Федерации, мы можем подтвердить предположение об отсутствии в их решениях нормативной правовой основы. Результаты их деятельности носят обобщающий характер, который помогает судам сориентироваться при разрешении аналогичных ситуаций путем аргументированности изложенных в таких актах положений. Данное утверждение не делает исключений ни по видам судебных актов, ни в отношении юрисдикции судебных органов.

Список литературы

1. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. // (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2009). По сост.: на 24.01.2016.
2. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 г. № 781-II ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 49. Ст. 5506.
3. Апт Л.Ф. Правовая природа судебной практики // Российское правосудие. 2014. № 3 (95).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Российская газета. 2007. № 122.
5. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 27.
6. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 27.
7. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации"» // Российская газета. 2014. № 27.
8. Федеральный закон от 5 февраля 2014 г. № 16-ФЗ «О порядке отбора кандидатов в первоначальный состав Верховного Суда Российской Федерации, образованного в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации"» // Российская газета. 2014. № 27.
9. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_43424.html (по сост. на 12.02.2016).
10. Иванов А.А. Речь о прецеденте // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2.
11. Синуков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1993. 1994.
12. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Российская газета. 1995. № 3.
13. URL: <http://pravo.ru/review/view/99767/> (по сост. на 12.02.2016).

SOME ISSUES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN ACTS OF HIGHER COURTS AND REGULATORY INSTRUMENTS OF LEGISLATIVE BODIES IN THE SYSTEM OF LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

M.G. Dubinin

The author considers the relationship between acts of higher courts and legislative acts. As a result of the analysis, it is concluded that the above-mentioned phenomena are heterogeneous, therefore, judicial acts cannot be recognized as law in the legal system of the Russian Federation.

Keywords: Supreme Court of the Russian Federation, Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, interpretation of law, norm of law, definition of the norm of law, features of the norm of law.

References

1. Melekhin A.V. Teoriya gosudarstva i prava: Ucheb-nik. 2-e izd., pererab. i dop. // (Podgotovlen dlya sistemy «Konsul'tantPlyus», 2009). Po sost.: na 24.01.2016.
2. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 11 noyabrya 1996 g. № 781-II GD «Ob obrashchenii v Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 49. St. 5506.
3. Apt L.F. Pravovaya priroda sudebnoj praktiki // Rossijskoe pravosudie. 2014. № 3 (95).
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 31 maya 2007 g. № 27 «O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii reshenij kvalifikacionnyh kollegij sudej o privlechenii sudej sudov obshchej yurisdikcii k disciplinarnoj otvetstvennosti» // Rossijskaya gazeta. 2007. № 122.
5. Zakon Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 5 fevralya 2014 g. № 2-FKZ «O Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii i prokurate Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2014. № 27.
6. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 5 fevralya 2014 g. № 3-FKZ «O Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2014. № 27.
7. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 5 fevralya 2014 g. № 4-FKZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj konstitucionnyj zakon "O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii"» // Rossijskaya gazeta. 2014. № 27.
8. Federal'nyj zakon ot 5 fevralya 2014 g. № 16-FZ «O poryadke otbora kandidatov v pervonachal'nyj sostav Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii, obrazovannogo v sootvetstvii s Zakonom Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii "O Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii i prokurate Rossijskoj Federacii"» // Rossijskaya gazeta. 2014. № 27.
9. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_43424.html (po sost. na 12.02.2016).
10. Ivanov A.A. Rech' o precedente // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki. 2010. № 2.
11. Sinyukov V.N. Rossijskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu. Saratov: Poligrafist, 1993. 1994.
12. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 28 aprelya 1995 g. № 1-FKZ «Ob arbitrazhnyh sudah v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 1995. № 3.
13. URL: <http://pravo.ru/review/view/99767/> (po sost. na 12.02.2016).